

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОРГАНИЗАЦИЮ РАБОЧЕГО И ЛИЧНОГО ВРЕМЕНИ ЛАТВИЙЦАМИ

З. Кришьяне
Э. Апсите-Берина
М. Берзиньш
Т. Скадинс
Г. Бургманис

Латвийский университет,
LV 1586, Латвия, Рига, бул. Райниса, 19

Поступила в редакцию 30.10.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-3

© Кришьяне З., Апсите-Берина Э., Берзиньш М.,
Скадинс Т., Бургманис Г., 2020

В статье рассматриваются особенности организации рабочего и личного времени в Латвии в режиме чрезвычайной ситуации. Во время пандемии COVID-19 многие правительства останавливали экономическую деятельность в своих странах. Введенные ограничения могли не только замедлить распространение вируса, но и нанести значительный ущерб благосостоянию населения. В контексте пандемии COVID-19 будет рассмотрено влияние социально-демографических факторов на модели поведения, установки, занятость и организацию рабочего и личного времени латвийцами; дана хронологическая картина пандемии на уровне страны; описан характер трудовой миграции в Латвию и из нее до начала эпидемии; показано географическое распределение подтвержденных случаев COVID-19. Кроме того, опасность COVID-19 будет проанализирована на глобальном и национальном уровнях, а также на уровне отдельных домохозяйств. В заключение формы занятости и организация рабочего и личного времени будут рассмотрены в разрезе географических зон и возрастных групп.

Ключевые слова:

пандемия COVID-19, организация рабочего и личного времени, Латвия, тип занятости, восприятие угроз

Введение

По всему миру непростые времена пандемии COVID-19 изменили общество и привычный жизненный уклад. Многие правительства останавливали экономическую деятельность в своих странах. Введенные ограничения могли не только замедлить распространение вируса, но и нанести значительный ущерб благосостоянию населения на разных географических уровнях. Возникла необходимость оценки особенностей и масштаба влияния социально-демографических факторов на пространственные модели поведения, установки и изменения в системе занятости. В Латвии заболевание распространялось географически неравномерно среди разных возрастных групп населения. Пандемия COVID-19 обернулась серьезными проблемами в области здравоохранения, социальной сфере и экономике. Многие из них непосредственно связаны с демографической структурой населения.

Для цитирования: Кришьяне З., Апсите-Берина Э., Берзиньш М., Скадинс Т., Бургманис Г. Влияние пандемии COVID-19 на организацию рабочего и личного времени латвийцами // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 39–60. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-3.

У пожилых людей слабая иммунная система, поэтому они в большей степени подвержены хроническим и вирусным заболеваниям (таким как SARS-CoV-2) [1]. Тяжесть протекания пандемии COVID-19 зависит не только от эффективности национальной системы здравоохранения и вводимых ограничений, но и от возрастной структуры, региональных особенностей и социального поведения [2]. Демографы связывают широкое распространение случаев COVID-19 с городскими территориями, население которых имеет тесные социальные связи [3]. Согласно предварительным данным половозрастная структура населения и социально-экономический статус оказывают значительное влияние на подверженность заболеванию COVID-19 и смертность от него [2; 4]. Территориальные различия должны учитываться и при оценке воздействия демографических факторов на модели поведения и социально-экономические последствия пандемии COVID-19. Кроме того, демографические данные — ключ к анализу взаимодействий между разными возрастными группами, в свою очередь, проливающие свет на пути распространения вируса. Внимания заслуживают и сведения о совместном проживании и возрастных составах домохозяйств. Ограничения на передвижение и закрытие границ изменили характер миграции. Анализ возрастной структуры населения, в частности вклада наиболее уязвимых групп, позволяет прогнозировать динамику эпидемии, бремя острых заболеваний и потребность в медицинской и иной помощи [5]. Модели совместного проживания и возрастная структура домохозяйств играют здесь важную роль [6]. В ходе «коронакризиса» стало очевидным влияние экономического неравенства на распространение опасных заболеваний и сопротивляемость им среди разных групп. Исследования британских авторов показывают, что кризис вызвал рост «бедности социальных связей» (relational poverty), а также ситуационной бедности. Усилилось неравенство, основанное на признаках класса, гендера, расы и трудоспособности [7; 8]. Был опубликован ряд исследований психического здоровья индивидов и семей в период эпидемиологических ограничений. В них рассматривается непосредственное влияние пандемии на психическое здоровье и качество жизни в глобальном масштабе [9—14]. В последних публикациях предлагаются перспективные методики исследования и содержатся релевантные эмпирические данные. Тем не менее полученные результаты не являются исчерпывающими и зачастую противоречат друг другу. При этом культурное воздействие научных выводов может быть значительным.

Несколько публикаций помещают благосостояние домохозяйств в более широкий контекст [15]. Другие изучают последствия COVID-19 для раздельно проживающих семей [16], рост домашнего насилия во время пандемии и сокращение соответствующих мер поддержки [17]. Также делаются выводы об изменении полового поведения молодежи [18] и о склонности пар заводить детей в период пандемии [19].

По всему миру пандемия оказала влияние не только на психологическое состояние и социальные связи индивидов, но и на характер труда и образования. В последние годы проблема новых форм трудоустройства, в том числе основанных на применении ИКТ [20], широко обсуждается в Европе и Латвии.

Согласно недавним исследованиям во время пандемии 37% европейцев перешли на удаленную работу. «Коронакризис» обнаружил значительный и до последнего времени скрытый потенциал гибкой организации труда. Имеющиеся данные связывают удаленную работу с нарушениями сна и травмами, вызванными недостаточной эргономичностью домашнего рабочего места. Также на выполнение привычных заданий требуется больше времени, что объясняется тем, что дети тоже вынуждены оставаться дома [21]. В то же время нет четкой связи между наличием детей школьного возраста и переходом на удаленную работу. Доля сотрудников, не имеющих детей школьного возраста, среди временно работающих удаленно лишь незначительно превышает долю родителей школьников. Подтверждается предположение о том, что переход на удаленную работу зависел в большей степени от выполняемых задач и возможности такого перехода, чем от семейных обстоятельств сотрудников¹. Вы-

¹ *Living, working and COVID-19* // Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

званный пандемией кризис проявил и ранее существовавшие в Латвии возрастные, гендерные, социально-экономические и географические различия [22; 23]. В нескольких недавних исследованиях подчеркивается необходимость оптимальной организации рабочего и личного времени, а также несоответствие условий удаленной работы ожиданиям² [24; 25].

Цель данной статьи — рассмотреть изменения в организации рабочего и личного времени латвийцами во время кризиса, вызванного COVID-19.

Чтобы оценить влияние эпидемии на организацию рабочего и личного времени латвийцами, необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Как хронологически развивалась ситуация с COVID-19 в Латвии?

2. Каков спектр личных отношений к угрозе в стране?

3. В какой степени эпидемия повлияла на организацию рабочего и личного времени и режимы занятости в начале 2020 года?

Статья состоит из трех разделов. Наряду с текущим состоянием дел описывается используемая методология. В разделе «Результаты», во-первых, рассматривается хронология кризиса, вызванного COVID-19, во-вторых, определяются особенности миграционной ситуации в Латвии, в-третьих, картируется распространение подтвержденных случаев COVID-19. В-четвертых, угроза COVID-19 оценивается на глобальном, национальном, региональном уровнях, а также на уровне домохозяйств. В-пятых, соотношение удаленного и традиционного режимов занятости анализируются в разных возрастных группах и регионах.

Данные и методы

В исследовании используется сочетание нескольких методов. Анализируется официальная статистика по подтвержденным случаям COVID-19, и их географическому распространению, а также применяются данные опроса, проведенного в середине 2020 года. В описании динамики подтвержденных случаев исследование опирается на официальные данные национального уровня — решения правительства³ и информацию, предоставляемую Латвийским центром профилактики и контроля заболеваемости (Slimību profilakses un kontroles centrs, ЦПКЗ). Эти данные публикуются Латвийским порталом открытых данных⁴.

В статье используются уникальные данные проведенного авторами опроса. В нем участвовало 1473 респондента. Исследование проходило в два этапа. На первом с 29 мая по 30 июня 2020 года 459 респондентов были опрошены сотрудниками факультета географии и наук о Земле университета Латвии. На втором этапе с 3 по 13 июля 2020 года 1014 респондентов приняли участие в опросе агентства маркетинговых и социологических исследований *Latvijas fakti*. В обоих случаях задавались одинаковые вопросы и применялась схожая методика (онлайн-опрос), респонденты опрашивались по всей стране.

Выборка была стратифицирована по полу и возрасту на региональном, городском и сельском уровнях. При анализе данных, полученных в ходе онлайн-опроса, учитывался тот факт, что не все респонденты пользуются Интернетом.

Важная часть анкеты касалась поведения, установок и изменений в характере трудоустройства. Полученные ответы могут быть использованы для изучения воздействия «коронакризиса» на мобильность и возможности удаленной работы. Достоинство точных данных о месте проживания респондентов обеспечивает применимость результатов опроса к теме данного исследования.

Часть вопросов касалась восприятия угрозы, а также карантинных мер, основных вызовов, стоящих перед населением и того, как карантин отразился на их достатке, бытовых и социальных контактах. Ответы респондентов позволили рассмотреть некоторые дополнительные аспекты.

² *Living, working and COVID-19* // Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

³ *COVID-19. Rikojums par ārkārtējās situācijas izsludināšanu Epidemioloģiskās drošības pasākumi Covid-19 infekcijas izplatības ierobežošanai* // Cabinet of Ministers. URL: <https://mk.gov.lv/lv/content/COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

⁴ *COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām* // Data.gov.lv. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/COVID-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

При анализе полученных данных применялись методы описательной статистики. Критерии хи-квадрата и Краскела — Уоллиса использовались для оценки различий между группами. В таблице 1 показаны описательные характеристики выборки. Респонденты были разделены на группы по географическому признаку, а также социально-демографическим и социально-экономическим параметрам.

Таблица 1

Описательная характеристика выборки, %

Переменная	Городские территории	Сельские территории	Рига	Другие населенные пункты	Итого
<i>Пол</i>					
Мужчины	51,4	42,3	53,5	46,7	48,9
Женщины	48,6	57,7	46,5	53,5	51,1
<i>Возрастная группа</i>					
18 – 34	35,1	24,5	41,6	27,6	32,2
35 – 54	41,9	51,1	38,1	47,5	44,4
55 – 64	23,0	24,4	20,3	24,9	23,4
<i>Уровень образования</i>					
Максимум начальное	1,1	3,5	0,6	2,3	1,8
Среднее	11,7	11,0	9,8	12,3	11,5
Среднее профессионально	14,9	14,9	11,9	16,4	14,9
Высшее	72,3	70,6	77,7	68,9	71,8
<i>Статус занятости</i>					
Трудоустроенные	78,7	77,0	81,3	76,8	78,3
Безработные	6,5	5,6	6,4	6,1	6,2
Пенсионеры	3,8	6,7	3,1	5,3	4,6
Неработающие студенты и школьники	3,1	1,3	1,8	3,0	2,6
Иное	6,5	8,6	6,8	7,3	7,1
Отказ от ответа	1,4	0,8	0,6	1,5	1,2
<i>Изменение уровня доходов во время эпидемии COVID-19</i>					
Значительное снижение	8,9	9,4	10,5	8,3	9,0
Незначительное снижение	21,0	18,8	19,7	20,8	20,4
Без изменений	62,5	62,1	63,5	61,7	62,4
Незначительное увеличение	5,7	7,4	4,9	6,7	6,1
Значительное увеличение	1,2	1,3	1,0	1,4	1,2
Отказ от ответа	0,7	1,0	0,4	1,0	0,8
<i>Тип домохозяйства</i>					
Проживающие в одиночестве	19,1	12,9	18,9	16,8	17,4
Проживающие совместно	80,9	87,1	81,1	83,2	82,6

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

За пределами Риги большую часть респондентов составили женщины. Во всех регионах, кроме Риги, самой многочисленной была возрастная группа «35—54». В столице самую большую группу респондентов составила молодежь, хоть и с незначительным перевесом. Разделения по другим признакам не имели четко выраженных географических различий. Большинство респондентов во всех регионах имело высшее образование и было трудоустроено. В том, что касается изменения доходов, наблюдалась некоторое разнообразие. Несмотря на то, что доходы респондентов в большинстве случаев не изменились, почти каждый пятый отметил умеренное их снижение.

Наконец, большинство респондентов проживало совместно с другими людьми. В сельской местности доля проживающих отдельно была еще ниже, чем в городах. Географический аспект учитывался при анализе полученных ответов. Сравнивались результаты, полученные в Риге и за ее пределами, а также ответы респондентов из разных возрастных групп.

Распространение COVID-19 в Латвии: хронология

Чрезвычайная ситуация была объявлена 12 марта 2020 г., чтобы предотвратить дальнейшее распространение вируса⁵ (табл. 2). Изначально предполагалось, что режим продлится до 7 апреля. Одновременно с объявлением ЧС был принят ряд мер. Например, все учебные заведения перевели на дистанционное обучение. Наряду с требованием соблюдения дистанции в два метра было запрещено собираться больше чем вдвоем как внутри помещений, так и на улице. Исключения предусматривались для совместно проживающих родителей и их детей, а также в случаях проведения работ и оказания услуг, требующих присутствия большего количества человек.

Таблица 2

Хронология основных события эпидемии COVID-19

Дата	Событие / решение
12.03.2020	Объявлен режим чрезвычайной ситуации
17.03.2020	Приостановка международных пассажирских перевозок — воздушных, водных, автобусных и железнодорожных
25.03.2020	Правительство Латвии вводит дополнительные ограничительные меры
26.03.2020	Правительством одобрены критерии для введения налоговых каникул и получения компенсаций
29.03.2020	Соблюдение дистанции становится обязательным
02.04.2020	Расширен круг лиц, имеющих право на получение компенсаций и налоговые каникулы
07.04.2020	Чрезвычайная ситуация продлевается до 12 мая
23.04.2020	Минимальный размер пособия, выплачиваемого временно оставшимся без работы, устанавливается на уровне 180 евро
30.04.2020	В связи с режимом ЧС изменяются правила сдачи выпускных экзаменов
06.05.2020	Открытие внутренних границ Балтийских стран и снятие ограничений на перемещение пассажиров назначено на 15 июня
07.05.2020	Начиная с 12 мая разрешены культурные мероприятия с небольшим числом участников (при соблюдении санитарно-эпидемиологических и иных норм)
14.05.2020	С 15 мая планируется возобновить международные пассажирские перевозки между Балтийскими странами
21.05.2020	С 1 июня разрешено проведение очных занятий, спортивных и культурных мероприятий
09.06.2020	Режим чрезвычайной ситуации отменен; при этом многие ограничения остаются в силе
10.07.2020	С 11 июля некоторые ограничительные меры введены заново
16.07.2020	Все прибывающие в Латвию регистрируются в обязательном порядке

Источник: составлено авторами на основе правительственных данных.

⁵ COVID-19. Rikojums par ārkārtējās situācijas izsludināšanu Epidemioloģiskās drošības pasākumi Covid-19 infekcijas izplatības ierobežošanai // Cabinet of Ministers. URL: <https://mk.gov.lv/lv/content/COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

Двенадцатого марта было объявлено, что начиная с 17 марта в качестве дополнительной профилактической меры будет прекращено международное пассажирское сообщение — воздушное, морское, автобусное и железнодорожное.

Целый пакет мер был принят 25 марта. По выходным и государственным праздникам запрещалась работа большинства торговых точек (за исключением продуктовых магазинов, аптек, строительных магазинов). Временно пришлось закрыться спортивным центрам и учреждениям дополнительного образования. В нескольких больницах прекратилось оказание плановой помощи. Двадцать шестого марта правительство определило правила получения компенсаций, связанных с вынужденным прекращением деятельности, а также действия налоговых каникул. Компенсации полагались работодателям, не нанимавшим новых сотрудников во время простоя.

С 29 марта и до снятия режима чрезвычайной ситуации были запрещены любые частные мероприятия, кроме похорон под открытым небом, проходящих с соблюдением санитарно-эпидемиологических правил. Культурные, развлекательные, спортивные и другие рекреационные организации могли работать только с 8.00 до 20.00. При этом из спортивных учреждений не были закрыты только расположенные на открытом воздухе.

Седьмого апреля режим чрезвычайной ситуации был продлен до 15 мая. Гражданам ЕС и лицам, имеющим разрешение на постоянное проживание на территории Евросоюза, было разрешено пересечение сухопутной латвийской границы через определенные пункты пропуска для возвращения в страну проживания.

С 12 мая были разрешены публичные мероприятия на открытом воздухе. Число участников не должно было превышать 25, продолжительность проводимых в помещениях мероприятий ограничивалась тремя часами.

С 1 июня были сняты некоторые ограничения в отношении образовательных, спортивных и культурных организаций. Разрешалась очная сдача выпускных и вступительных экзаменов в учреждениях начального, среднего и высшего образования. Также возобновлялись очные занятия на курсах повышения квалификации и дополнительного образования. Профессиональные спортсмены возобновили тренировки при соблюдении дистанции в два метра.

Чрезвычайное положение было отменено в Латвии 9 июня. Требование соблюдения дистанции в два метра было снято для спортивных мероприятий, занятий танцами и актерским мастерством. Аудитория проводимых в помещении культурных событий не должна была превышать 100 чел., а проходящих на открытом воздухе — 300.

С 11 июля были введены новые ограничительные меры. В заведениях общепита за одним столом могло собираться не более четырех человек в помещении и восьми на летней террасе. Исключение делалось только для гостей, проживающих совместно.

С 17 июля заполнение въездной анкеты стало обязательным не только для приехавших в Латвию иностранцев, но и для возвращающихся домой граждан страны. Таким образом, была обеспечена регистрация всех пребывающих из-за рубежа.

С 17 июля было разрешено одновременное нахождение до 1000 чел. в помещении и до 3000 — на открытом воздухе.

По данным Службы государственных доходов (*Valsts ieņēmumu dienests*), во время приостановки экономической деятельности с 12 марта до 30 июня 2020 года были выплачены 133 462 компенсации общим объемом 53,6 млн евро; 55 179 физических лиц, включая 2388 самозанятых, получили компенсации как минимум единожды⁶.

⁶ *Dikstāves pabalstu periodā teju 55 tūkstošiem cilvēku VID izmaksājis dikstāves pabalstus vairāk nekā 53 miljonu eiro apmērā // VID. URL: <https://www.vid.gov.lv/dikstaves-pabalstu-perioda-teju-55-tukstosiem-cilveku-vid-izmaksajis-dikstaves-pabalstus-vairak-0> (дата обращения: 16.10.2020).*

В период осуществления выплат, связанных с вынужденным прекращением деятельности, среди работодателей, сотрудники которых получили компенсации, организации сферы розничной и оптовой торговли, а также ремонта автомобилей и мотоциклов составили 20%; гостиницы и рестораны — 13,9%; предприятия обрабатывающей промышленности — 9,5%; центры оказания экспертных и научно-технических услуг — 9,5%. Чаще всего компенсации получали работники торговли и гостиничной и ресторанной отраслей.

Когда режим чрезвычайной ситуации был снят, доля работающих удаленно снизилась. В июне 2020 года 15,5% сотрудников в возрасте 15—74 лет (117 100 чел.) работали удаленно, что на 2,7% (18 800 чел.) меньше, чем в мае; 70% женщин и 30% мужчин трудились дома. В июне каждый пятый сотрудник (20,9%) имел возможность не посещать место работы⁷.

Первый случай COVID-19 был зарегистрирован в Латвии 2 марта⁸. В дальнейшем число заболевших росло. Пик первой фазы был достигнут 1 апреля, когда в стране за день было зафиксировано 48 новых случаев. После этого началось снижение, число заболевших не превышало 27 чел. в день. Ситуация оставалась относительно стабильной, 5 мая и 1 июня не было ни одного нового случая. На рисунке 1 показана динамика подтвержденных случаев⁹.

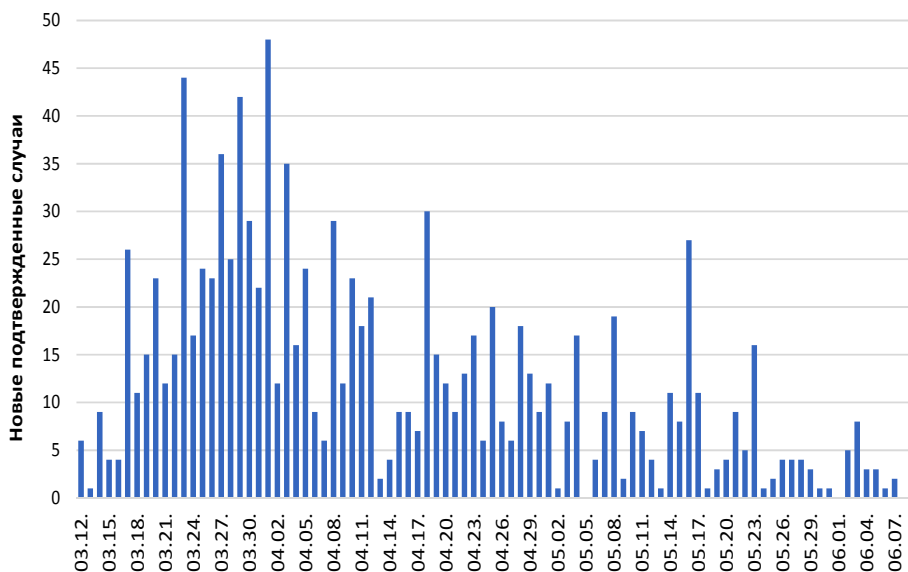

Рис. 1. Новые подтвержденные случаи во время действия режима чрезвычайной ситуации с 12 марта по 6 сентября 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁰.

⁷ Attālināti nodarbināto darbinieku skaits // CSB. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/COVID19/attalinati-nodarbinato-darbinieku-skaits> (дата обращения: 16.10.2020).

⁸ Latvijā apstiprināts pirmais koronavīrusa «COVID-19» gadījums // LSM.lv. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/latvija-apstiprinats-pirmais-koronavirusa-COVID-19-gadijums.a349768/> (дата обращения: 16.10.2020).

⁹ Latvijā apstiprināts pirmais koronavīrusa «COVID-19» gadījums // LSM.lv. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/latvija-apstiprinats-pirmais-koronavirusa-COVID-19-gadijums.a349768/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁰ COVID-19 izmeklējumi, apstiprinātie gadījumi un iznākumi // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

Международная трудовая миграция в Латвию и из Латвии

В целом иммиграция в Латвию растет, а доля эмигрантов постепенно снижается. В большинстве случаев латвийцы иммигрируют в Великобританию, Германию, Ирландию, Норвегию и Нидерланды. В исследованиях географических аспектов трудовой миграции отмечается центр-периферийная дифференциация рынков труда, которая влияет на воспринимаемую привлекательность рабочих мест в Латвии и за ее пределами¹¹. В особенности это относится к молодежи [22].

Около 46% иммигрирующих в Латвию — это возвращающиеся мигранты. У кого-то из них есть латвийское гражданство, у кого-то нет. Согласно официальной статистике на начало 2020 года население Латвии составляло 1 млн 908 тыс. чел., 10,4% из которых — неграждане. Последнюю группу составляют преимущественно русскоязычные постоянные жители страны [26]. В последние годы обратная миграция росла. При этом возвращающиеся предпочитают селиться в Риге, других крупных городах и соседних муниципалитетах¹². Изменения в трудовом поведении и организации рабочего и личного времени в столичном регионе заслуживают особого внимания, так как внутренняя миграция оказывает значительное влияние на латвийский рынок труда.

Во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в публичном дискурсе звучали призывы к стимулированию обратной миграции. Соответствующие инициативы стали приоритетом национальной и региональной политики¹³. После первой вспышки новой болезни и прекращения международного пассажирского сообщения 17 марта оставалось несколько возможностей вернуться на родину. По данным латвийского Министерства иностранных дел, около 5000 чел. вернулись в Латвию специальными рейсами, после чего им пришлось соблюдать самоизоляцию в течение десяти дней¹⁴. Среди прилетевших были не только туристы и те, кто находился за пределами страны в командировке, но и возвратившиеся мигранты. Эпидемия вернула домой тех, кто и ранее рассматривал такой шаг. Многим казалось, что в Латвии последствия эпидемии будут менее суровыми, чем в более густонаселенных областях.

Около 54% иммигрантов — это трудовые мигранты и иностранные студенты. Из-за принятых в 2019 году изменений в миграционное законодательство выросло число граждан третьих стран, работающих в Латвии по долгосрочной визе. Общее число легально трудоустроенных иностранцев выросло с 2500 чел. в 2012 году до 15 363 в 2019-м. Данная ситуация говорит о недостатке кадров в стране и привлекательности Латвии для трудовых мигрантов из Беларуси, Украины, России, Узбекистана и Индии. По данным последнего доклада о миграционной ситуации в Латвии и предоставлении убежища, число граждан третьих стран, работающих в стране на основании визы или временного вида на жительство, выросло на 63% за 2019 год. Большинство из них трудоустроено в 1) транспортной сфере, включая трубопроводный транспорт; 2) гражданском строительстве; 3) ИТ-отрасли; 4) строительстве специальных объектов. Вакансий поваров, строителей и водителей грузовиков становится все больше [27]. Во время режима чрезвычайной

¹¹ *Population migration databases // CSB.* URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_migr/?tablelist=true (дата обращения: 16.10.2020).

¹² *Ibid.*

¹³ *COVID-19 pandēmijas laikā arvien vairāk cilvēku vēlas atgriezties uz dzīvi Latvijā // NRA.* URL: <https://nra.lv/latvija/328632-COVID-19-pandemijas-laika-arvien-vairak-cilveku-velas-atgrie-zties-uz-dzivi-latvija.htm> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ *Information for travellers to Latvia on the provisions for preventing the spread of COVID-19 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia.* URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/consular-information/news/66019-emergency-situation-in-latvia-to-restrict-the-spread-of-COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

ситуации и приостановки пассажирского сообщения Латвийская железная дорога (*Latvijas Dzelzceļš*) пустила поезда по маршруту Киев — Рига — Киев. Этой возможностью воспользовались в том числе 500 трудовых мигрантов¹⁵.

География COVID-19 в Латвии

Первые муниципальные данные о заболеваемости появились 22 марта¹⁶. При этом, если количество подтвержденных случаев не превышало пять, в статистику включалось не точное число, а запись «1—5». На тот момент зарегистрированных случаев по стране было 139. В 28 из 119 муниципалитетов был подтвержден как минимум один случай. В Риге заболеваемость была гораздо выше, чем где-либо еще по стране. В 26 муниципалитетах число заболевших варьировалось от одного до пяти (рис. 2).

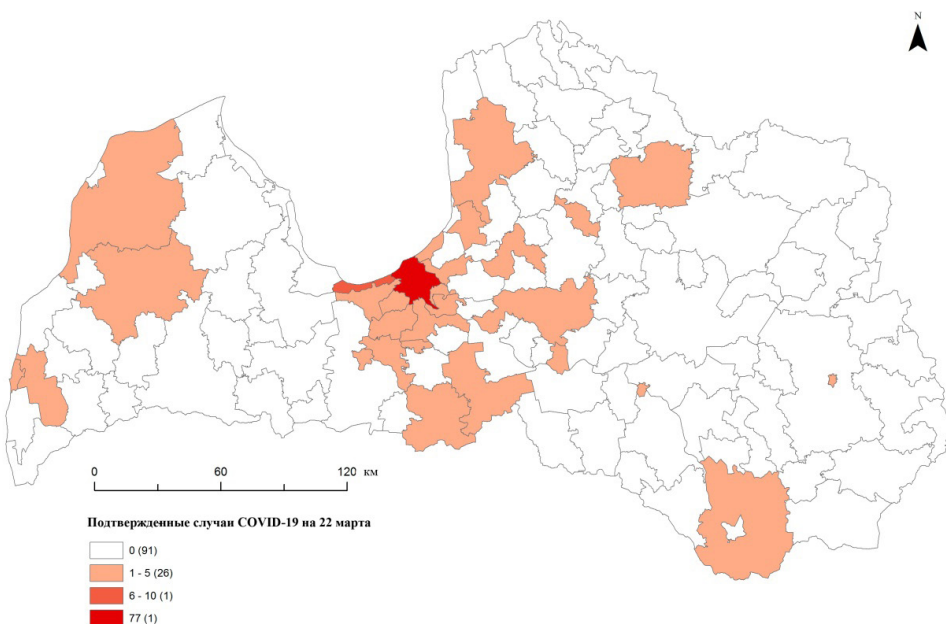

Рис. 2. Распространение подтвержденных случаев COVID-19 в Латвии на 22 марта 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁷.

Седьмого апреля, когда было принято решение о продлении режима чрезвычайного положения до 15 мая, уже в 55 муниципалитетах был хотя бы один заболевший. Больше всего случаев было по-прежнему в Риге — 295. Число заболевших росло в муниципалитетах Центральной Латвии и некоторых городах за ее пределами и достигло 577 чел.

¹⁵ “*Latvijas dzelzceļa*” un Ukrainas dzelzceļa repatriācijas reisu izmantojuši vairāk nekā pustūkstošis iedzīvotāju // Ministry of Transport. URL: <https://www.sam.gov.lv/lv/jaunums/latvijas-dzelzcela-un-ukrainas-dzelzcela-repatriācijas-reisu-izmantojusi-vairak-neka-pustukstotis-iedzivotaju> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁶ *Aktualitātes par COVID-19*// SPKC. URL: <https://www.spkc.gov.lv/lv/aktualitates-par-COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁷ *COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām* // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

Седьмого мая, когда правительство объявило об отмене части ограничительных мер, начиная с 12 мая как минимум один случай был подтвержден в 72 муниципалитетах. Был преодолен психологический барьер в 500 случаев. Самая высокая заболеваемость все еще наблюдалась в Центральной Латвии и в некоторых городах за ее пределами. Количество случаев росло в части северных муниципалитетов (рис. 3). Общее число заболевших достигло 909.

В день, когда был отменен режим чрезвычайной ситуации, — 9 июня — хотя бы один случай был подтвержден в почти 70% латвийских муниципалитетах (79). Снова наибольшее число заболевших было в Риге, но и там новых случаев становилось все меньше. В центральной части страны наметился рост числа заболевших. То же происходило и в нескольких муниципалитетах за ее пределами. Общее число случаев увеличилось до 1089.

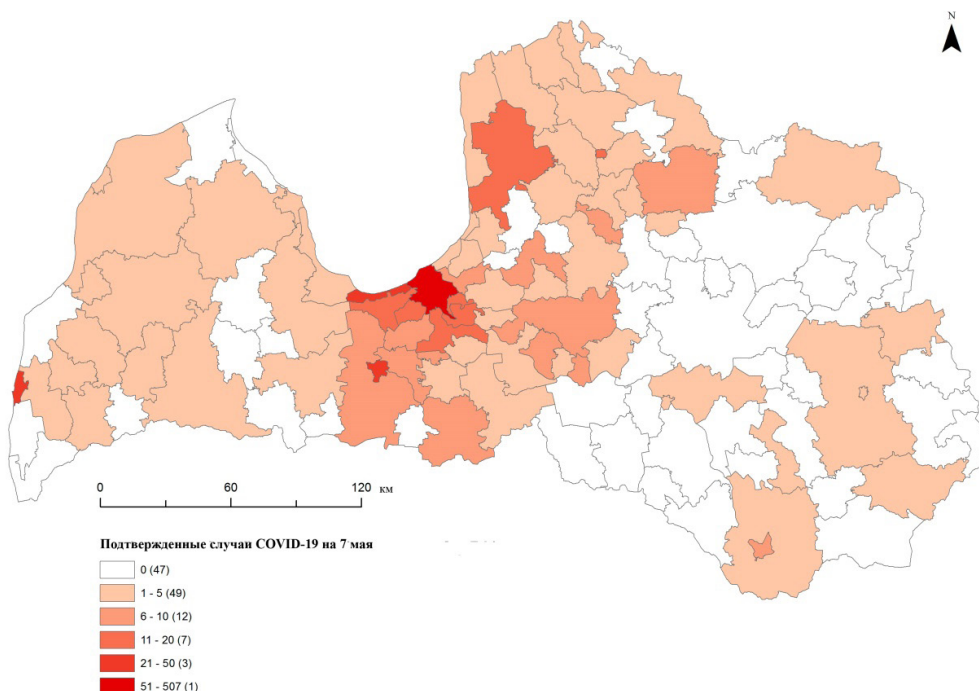

Рис. 3. Распространение подтвержденных случаев COVID-19 в Латвии на 7 мая 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁸.

Восприятие угроз, связанных с COVID-19

Оценивая степень угрозы на разных уровнях, респонденты чаще всего связывали наибольшие риски с ситуацией в глобальном масштабе. На национальном уровне угроза воспринималась как менее серьезная. Иные ответы были получены в Риге. Столичные жители отмечали, что в их городе угроза COVID-19 больше, чем где-либо в Латвии. При этом жители других населенных пунктов воспринимали угрозу на муниципальном уровне как менее значительную. За пределами Риги угрозу лично себе и своей семье респонденты оценивали ниже, чем опрошенные в столице (табл. 3).

¹⁸ COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

Таблица 3

**Восприятие угроз, связанных с COVID-19
(1 (слабая угроза) — 4 (очень большая угроза))**

Место проживания	Основной показатель	Мир	Латвия	Муниципалитет	Семья	Респондент
Рига	Среднее	2,99	1,94	2,02	1,6	1,59
	N (выборка)	467	482	471	476	473
	Среднеквадр. отклонение	0,873	0,783	0,807	0,735	0,763
Другой населенный пункт	Среднее	2,9	1,99	1,61	1,5	1,54
	N (выборка)	939	956	938	954	951
	Среднеквадр. отклонение	0,837	0,772	0,707	0,689	0,735
Всего	Среднее	2,93	1,97	1,75	1,54	1,56
	N (выборка)	1406	1438	1409	1430	1425
	Среднеквадр. отклонение	0,85	0,776	0,766	0,706	0,745
	Критерий Краскелла — Уоллиса	5,728*	2,010	100,122**	9,812**	3,621

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Примечание: статистически достоверно при *p < 0,05; **p < 0,01.

Сравнение воздействия COVID-19 на разные стороны жизни показывает, что больше всего изменилась трудовая деятельность респондентов (табл. 4). Здесь различия наблюдались не только по линии «Рига — другие населенные пункты», но и между возрастными группами. Жизнь респондентов 18—34 и 35—54 лет изменилась в большей степени, чем опрошенных старших возрастов (55—64 лет). При этом разные группы имеют схожие ценности и жизненные установки. Рижане отмечали, что пандемия изменила соотношение рабочего и личного времени. Их оценки значительно отличаются от мнений, высказанных жителями нестолических территорий. Значимы различия между более молодыми (18—34) и более пожилыми (55—64) респондентами.

Во время действия режима чрезвычайной ситуации 55,5% опрошенных рижан работали удаленно. За пределами столицы эта доля составила 41,4%. Между возрастными группами наблюдались значимые различия. Респонденты 35—54 лет чаще переходили на удаленный режим работы, чем опрошенные 54—64 лет.

О временном закрытии организации-работодателя во время приостановки экономической деятельности рассказали 12,2% опрошенных (табл. 5).

Таблица 4

**Влияние COVID-19 на разные стороны жизни респондентов
(1 (слабое влияние) — 4 (очень сильное влияние))**

Влияние COVID-19	Основной показатель	Место проживания			Возрастная группа			
		Рига	Другие населенные пункты	Критерий Краскелла—Уоллиса	18—34	35—54	55—64	Критерий Краскелла—Уоллиса
Соотношение рабочего и личного времени	Среднее	2,66	2,53	6,983*	2,65	2,62	2,38	14,093**
	N (выборка)	471	953		455	639	330	
	Среднеквадр. отклонение	0,999	0,995		1,027	0,984	0,963	
Ценности и жизненные установки	Среднее	2,44	2,46	0,000	2,45	2,46	2,46	0,794
	N (выборка)	474	956		456	637	337	
	Среднеквадр. отклонение	0,938	0,940		0,957	0,935	0,924	
Режим работы	Среднее	2,79	2,64	5,724*	2,78	2,78	2,40	27,329**
	N (выборка)	476	949		458	636	332	
	Среднеквадр. отклонение	1,072	1,120		1,102	1,078	1,120	

Источник: опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Примечание: статистически достоверно при *p < 0,05; **p < 0,01.

Чаще об этом говорили опрошенные из самой молодой возрастной группы (13,9%) и живущие за пределами Риги (12,4%). В случае молодых опрошенных причины такого положения дел могут быть теми же, что обуславливают предпочтения в режиме работы. Высокая же доля переведенных на удаленную работу за пределами Риги может объясняться как невозможностью физически добраться до рабочего места в столице, так и наличием стабильного доступа в Интернет.

Таблица 5

**Временное закрытие организации-работодателя
по месту проживания и возрастной группе, число / %**

Режим работы	Место проживания		Возрастная группа		
	Рига	Другие населенные пункты	18—34	35—54	55—64
Временное закрылись	58 / 11,9	122/12,4	66/13,9	78/11,9	36/10,5
Не закрывались	430 / 88,1	863/87,6	409/86,1	576/88,1	308/89,5

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020, N = 1473.

Проблемы организации рабочего и личного времени

По данным опроса сотрудников латвийских организаций, проведенного Центральным статистическим бюро¹⁹, в апреле немногим более 22% работающих латвийцев 15—74 лет осуществляли свою деятельность в удаленном режиме. Во время чрезвычайной ситуации число работающих удаленно увеличилось в восемь раз — с 19 до 148,4 тыс. чел. Женщины работали удаленно чаще, чем мужчины. Разница составила 27 процентных пунктов (63,5 и 36,5% соответственно). Самая высокая доля работающих удаленно (24,3%) в апреле наблюдалась в возрастной группе «25—34», а самая низкая (16,7%) — среди респондентов 55—64 лет. В некоторой степени этот результат объясняется уровнем цифровой грамотности и возрастной сегментацией профессий. Для продавцов, строителей, парикмахеров и ряда других профессий переход на удаленный режим был очевидно невозможен. При этом государственные и муниципальные учреждения (Рижская дума, Министерство финансов и другие), а также крупные частные компании (например, *Latvijas Mobilais Telefons*) поощряли переход на удаленную работу. Малые и средние предприятия в меньшей степени пользовались удаленными возможностями, вероятно, из-за недоверия сотрудникам.

Согласно результатам опроса самые значительные изменения эпидемия COVID-19 вызвала в том, что касается соотношения личного и рабочего. Живущие одни респонденты, неработающие студенты и пенсионеры отмечали недостаток общения. У респондентов с хроническими заболеваниями и пожилых опрошенных наблюдались нарушения сна и тревога, что может объясняться принадлежность к группе риска. В большинстве случаев чрезвычайная ситуация негативно сказалась на самочувствии населения. Она повлияла на модели поведения и общения как в семье, так и в обществе в целом. Определенное воздействие оказывало дистанцирование и соблюдение санитарно-эпидемиологических требований. Быт родителей школьников и дошкольников претерпел значительные изменения. Им приходилось не только выполнять свои рабочие обязанности, но и организовывать

¹⁹ *In April 2020, 22% of employees in Latvia worked remotely // CSB. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/social-conditions/unemployment/search-in-theme/2854-april-2020-22-employees-latvia> (дата обращения: 16.10.2020).*

дистанционное обучение детей. В одном домохозяйстве одновременно работало несколько подключенных к Интернету устройств. В некоторых семьях возникали технические проблемы. Детям требовалась постоянная помощь.

Респонденты называли удаленную работы адекватным режимом занятости в период пандемии. Рижане чаще других опрошенных (31,8%) называли предпочтительной полную удаленную занятость, 35,5% респондентов 18–34 лет такой режим работы казался желательным, в то время как 23,5% опрошенных из старшей возрастной группы предпочли полный день на рабочем месте (табл. 6).

Таблица 6

Предпочтительный режим работы во время первой фазы эпидемии COVID-19, март — июнь 2020 года, %

Тип занятости	Возрастная группа						Место проживания			
	18—34		35—54		55—64		Рига		Другое	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
Полный день на рабочем месте	2	27,1	2	24,5	1	23,5	2	25,5	2	25,0
Частичная занятость на рабочем месте	3	8,0	3	11,9	5	9,6	4	9,0%	3	10,6
Полная удаленная занятость	1	35,5	1	27,1	2	20,6	1	31,8	1	26,6
Частичная удаленная занятость	4	7,6	5	8,7	4	9,9	3	9,9	5	8,0
Работа по контракту	5	5,9	4	10,9	3	12,2	5	8,0	4	10,4

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Все респонденты, кроме представителей старшей возрастной группы, говорили о том, что удаленная работа — оправданная мера во время пандемии, при этом 23,5% опрошенных 55—64 лет назвали желательной работу полный день на рабочем месте. Такое отношение может объясняться как тем, что более взрослые опрошенные не обладают нужными цифровыми навыками, так и тем, что их занятость не может быть переведена на удаленный режим. Наиболее распространенной удаленная работа оказалась среди самой молодой возрастной группы и рижан. Причиной может быть то, что работа первой из этих двух категории опрошенных довольно просто переносится в онлайн. Во втором случае положительное отношение к удаленной работе может объясняться большим числом случаев COVID-19 в столице и введением дополнительных мер многими работодателями.

Обсуждение результатов и заключение

Цель этой статьи — изучить воздействие пандемии COVID-19 на организацию рабочего и личного времени латвийцами. Официальная статистика по подтвержденным случаям заболевания, постановления правительства и данные опроса используются для описания ситуации в Латвии в первый период пандемии в начале 2020 года.

Полученные результаты подтверждают эффективность принятых в начале года мер. Случай Латвии считается одним из самых успешных в Европе²⁰. Исследование медицинской стороны эпидемии в странах Северной Европы подтверждает, что в Латвии наблюдался один из самых низких уровней смертности от COVID-19 [28].

Так же, как и в предыдущие годы, сальдо миграции в Латвии остается отрицательным²¹. В [29—31] дается более полный разбор миграционной ситуации в стране. Было показано, что важную роль в географии латвийского трудоустройства играет маятниковая миграция [32]. Исследовалась и социальная защита местной и иностранной рабочей силы [33]. Наиболее защищенными являются обладатели статуса постоянного жителя, в то время как не имеющие страховки и проживающие в Латвии по временным разрешениям имеют меньше социальных гарантий.

Что касается географии распространения вируса, наибольшее число случаев отмечено в Риге, при этом в других регионах заболеваемость была гораздо ниже. Похожая ситуация наблюдалась в Польше и Италии, где количество случаев разнилось от региона к региону, с наибольшей концентрацией в городах [34; 35].

В ходе исследования были обнаружены некоторые интересные особенности общественного восприятия пандемии COVID-19. Было определено, как обстоятельства макроуровня влияют на поведенческие модели и установки микроуровня [36; 37]. На индивидуальном уровне угроза оценивается как умеренная, при этом при переходе на уровень домохозяйства опасения усиливаются [38]. Также было показано, что существует географическая градация угрозы. Риски, связанные с пандемией, кажутся более серьезными на глобальном уровне. Тем не менее рижане оценивают угрозу на местном уровне выше, чем жители других территорий, что может объясняться большей плотностью населения. Предположительно, оптимистический уклон [39] и убеждение, что другие больше подвержены рискам [40], сохраняется, пока сам индивид не столкнется с диагнозом. Было показано [39], что преобладающей эмоцией во время пандемии является страх. Многие латвийцы были озабочены не только организацией рабочего и личного времени, но и новыми семейными проблемами и дистанционным обучением детей. Участились случаи родительского выгорания [41] и семейного насилия [17].

Согласно полученным данным латвийцы считают удаленную работу предпочтительной во время чрезвычайной ситуации. Такую точку зрения высказали 32% рижан, преимущественно из младшей возрастной группы. Предпочтения так же зависели от позиции работодателя и отрасли. Отдельным важным фактором является и забота о детях. В последние годы проблема новых форм трудоустройства, в том числе основанных на применении ИКТ [20], широко обсуждается в Европе и Латвии. Понятия «удаленная работа» и «самозанятость» стали общепринятыми в сфере защиты труда. Согласно недавним исследованиям 37% европейцев работали удаленно во время вызванного эпидемией кризиса. В Латвии на удаленную работу перешли около 40% сотрудников. Удовлетворенность таким режимом во много

²⁰ *First phase of COVID-19 response successful in Latvia* // LSM.lv. URL: <https://eng.lsm.lv/article/politics/politics/karins-first-phase-of-COVID-19-response-successful-in-latvia.a363059/> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ *Population migration databases* // CSB. URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_migr/?tablelist=true (дата обращения: 16.10.2020).

определялась социально-демографическими характеристиками. «Коронакризис» обнаружил значительный и до последнего времени скрытый потенциал гибкой организации труда. Имеющиеся данные связывают удаленную работу с нарушениями сна и травмами, вызванными недостаточной эргономичностью домашнего рабочего места. Также на выполнение привычных заданий работающими удаленно требовалось больше времени, чем обычно. Это объясняется тем, что и дети были вынуждены оставаться дома [21].

Наконец, было обнаружено, что самой большой проблемой является организация личного и рабочего времени. Наиболее остро она встала перед родителями школьников и людьми, проживающими отдельно. Кроме того, значительным рискам оказались подвержены старшие группы населения.

Исследование выполнено при поддержке гранта 1.1.1.2/ВИАА/1/16/184 Европейского фонда регионального развития и проекта № VPP-IZM-2018/1-0015 Национальной исследовательской программы.

Список литературы

1. Dowd J.B., Andriano L., Brazel D.M. et al. Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19 // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, № 18. P. 9696—9698. <https://doi.org/10.1073/pnas.2004911117>.
2. Kashnitsky I., Aburto J.M. The pandemic threatens aged rural regions most // OSF Preprints. 2020. URL: <https://ideas.repec.org/p/osf/osfxxx/abx7s.html> (дата обращения: 08.09.2020).
3. Mogi R., Spijker J. The influence of social and economic ties to the spread of COVID-19 in Europe // SocArXiv. 2020. <https://doi.org/10.31235/osf.io/sb8xn>.
4. Raifman M.A., Raifman J.R. Disparities in the population at risk of severe illness from COVID-19 by race/ethnicity and income // American Journal of Preventive Medicine. 2020. Vol. 59, № 1. P. 137—139. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.04.003>.
5. Verhagen M.D., Brazel D.M., Dowd J.B. et al. Mapping hospital demand: demographics, spatial variation, and the risk of “hospital deserts” during COVID-19 in England and Wales. OSF Preprints, 2020 doi: 10.31219/osf.io/g8s96.
6. Esteve A., Permanyer I., Boertien D., Vaupel J.W. National age and co-residence patterns shape COVID-19 vulnerability // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, № 28. P. 16118—16120. <https://doi.org/10.1073/pnas.2008764117>.
7. Buheji M., Cunha K. The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty // A Global Integrative Multidisciplinary Review. 2020. Vol. 10, № 4. P. 213—224. <https://doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02>.
8. Nassif-Pires L., de Lima Xavier L., Masterson T. et al. Pandemic of inequality (Economics public policy brief archive). N. Y., 2020.
9. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. № 10227 (395). P. 912—920. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
10. Chan J.F.W., Yuan S., Kok K.H. et al. A familial cluster of pneumonia associated with the 2019 novel coronavirus indicating person-to-person transmission: A study of a family cluster // The Lancet. Vol. 395, № 10223. P. 514—523. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
11. Pummerer L., Sassenberg K. Conspiracy Theories in Times of Crisis and their Societal Effects: Case “Corona”. PsyarXiv. URL: <https://psyarxiv.com/ye3ma/download/?format=pdf> (дата обращения 10.09.2020)
12. Šrol J., Mikušková E.B., Cavojoja V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic // PsyarXiv. 2020. <https://doi.org/10.31234/osf.io/f9e6p>.
13. Swami V., Barron D. Analytic Thinking, Rejection of Coronavirus (COVID-19) Conspiracy Theories, and Compliance with Mandated Social-Distancing: Direct and Indirect Relationships in a Nationally Representative Sample of Adults in the United Kingdom. OSF Preprints, 2020. <https://doi.org/10.31219/osf.io/nmx9w>.

14. Zhang Y., Ma F.Z. Impact of the COVID-19 Pandemic on Mental Health and Quality of Life among Local Residents in Liaoning Province, China: A Cross-Sectional Study // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Vol. 17, № 7. P. 2381. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072381>.
15. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75, № 5. P. 631—643. <https://doi.org/10.1037/amp0000660>.
16. Smyth B., Moloney L., Brady J. et al. COVID-19 in Australia: Impacts on Separated Families // *Family Court Review*. 2020. Vol. 58, № 4. P. 1022—1039. <https://doi.org/10.1111/fcre.12533>.
17. Usher K., Bhullar N., Durkin J. et al. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support // *International Journal of Mental Health Nursing*. 2020. Vol. 29, № 4. P. 549—552. <http://dx.doi.org/10.1111/inm.12735>.
18. Li W., Li G., Xin C. et al. Challenges in the Practice of Sexual Medicine in the Time of COVID-19 in China // *The Journal of Sexual Medicine*. 2020. Vol. 17, № 7. P. 1225—1228. <https://doi.org/10.1016/j.jsxm.2020.04.380>.
19. Cito G., Micelli E., Cocci A. et al. Paternal Behaviors in the Era of COVID-19 // *The World Journal of Men's Health*. 2020. Vol. 38, № 3. P. 251—253. <https://doi.org/10.5534/wjmh.200071>.
20. Mandl I., Biletta I. Overview of new forms of employment — 2018 update. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2018. URL: <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1649&context=intl> (дата обращения: 27.07. 2020).
21. Vargas-Llave O., Mandl I., Weber T., Wilkens M. Telework and ICT-based Mobile Work: Flexible Working in the Digital Age. Luxembourg, 2020. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf (дата обращения: 27.07. 2020).
22. Krišjāne Z., Krūmiņš J. (eds.). Tautas ataudze Latvijā un sabiedrības atjaunošanas izaicinājumi (Population Reproduction and Challenges for Renewal of Society in Latvia). Rīga, 2019.
23. Apsīte-Beriņa E., Burgmanis G., Prusakova L. Regional Human Capital Disequilibria: The Case of Youth Migration in Latvia // *Folia Geographica*. 2020. № 1 (18). doi: 10.22364/fg.18.4.
24. Baert S., Lippens L., Moens E. et al. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences, Expectations and Hopes // *IZA Discussion Paper*. 2020. № 13229. Institute of Labor Economics. URL: https://www.researchgate.net/publication/341272740_The_COVID-19_Crisis_and_Telework_A_Research_Survey_on_Experiences_Expectations_and_Hopes (дата обращения: 06.08. 2020).
25. Raišienė A.G., Rapuano V., Varkulevičiūtė K., Stachová K. Working from Home — Who is Happy? A Survey of Lithuania's Employees during the COVID-19 Quarantine Period // *Sustainability*. 2020. Vol. 13, № 13. P. 5332. <https://doi.org/10.3390/su12135332>.
26. Apsīte-Beriņa E., Burgmanis G., Krišjāne Z. Return Migration Trends in Latvia: Re-attracting the Main Human Resource for Sustainable Regional Development // *Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference*. 2018. Vol. 1. P. 16. <https://doi.org/10.17770/etr2019vol1.4117>.
27. Silina-Osmāne I., Ieviņa I. Policy report on migration and asylum policy in Latvia reference year 2018. Rīga, 2019. URL: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/ARM_2018_part2_LATVIA_Final_EN.pdf (дата обращения: 08.09.2020).
28. Piuhola J., Kerkelä R., Laine M. et al. Lower ST-elevation myocardial infarction incidence during COVID-19 epidemic in Northern Europe // *Scandinavian Cardiovascular Journal*. 2020. <https://doi.org/10.1080/14017431.2020.1820563>.
29. Kaša R., Mieriņa I. (eds.). The Emigrant Communities of Latvia. National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics. Springer, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12092-4>.
30. Krišjāne Z., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M. Circularity within the EU: the return intentions of Latvian migrants // *Return Migration and Regional Development in Europe: Mobility Against the Stream*. L., 2016. P. 215—240. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57509-8_10.
31. McCollum D., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M., Krišjāne Z. Overcoming the crisis: the changing profile and trajectories of Latvian migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43, № 9. P. 1508—1525. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2016.1232161>.
32. Krišjāne Z., Bērziņš M., Ivlevs A., Bauls A. Who are the typical commuters in the post-socialist metropolis? The case of Riga, Latvia // *Cities*. 2012. Vol. 29, № 5, P. 334—340.
33. Kamenska A., Tumule J. Migrants' Access to Social Protection in Latvia // *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*. Vol. 1. Springer, 2020. P. 257—270. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17.

34. *Krzysztofik R., Kantor-Pietraga I., Spórna T.* Spatial and functional dimensions of the COVID-19 epidemic in Poland // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1783337>.

35. *Ruiu M.L.* Mismanagement of COVID-19: lessons learned from Italy // *Journal of Risk Research*. 2020. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758755>.

36. *Hedström P., Swedberg R.* *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*. Cambridge, 1998.

37. *Kittel B., Kritzinger S., Boomgaarden H. et al.* The Austrian Corona Panel Project: monitoring individual and societal dynamics amidst the COVID-19 crisis // *European Political Science*. 2020. <https://doi.org/10.1057/s41304-020-00294-7>.

38. *Bodas M., Peleg K.* Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel // *Health Affairs*. 2020. Vol. 39, № 6. P. 936—941. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2020.00382>.

39. *Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S. et al.* Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // *Natural Human Behaviour*. 2020. Vol. 4, № 5. P. 460—471. doi: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.

40. *Sharot T.* The optimism bias // *Current Biology*. 2011. Vol. 21, № 23. P. 941—945. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

41. *Griffith A.K.* Parental burnout and child maltreatment during the COVID-19 pandemic // *Journal of Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-020-00172-2>.

Об авторах

Зайга Кришьяне, профессор, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: zaiga.krissjane@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-3422-1958>

Элина Апсите-Берина, старший научный сотрудник, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: elina.apsite-berina@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5537-5879>

Марис Берзиньш, доцент, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

Томс Скадинс, научный сотрудник, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: toms.skadins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6837-4426>

Гиртс Бургманис, исследователь, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: girts.burgmanis@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5903-2283>

WORK-LIFE BALANCE DURING THE COVID-19 OUTBREAK: THE CASE OF LATVIA

Z. Krisjane
E. Apsite-Berina
M. Berzins
T. Skadins
Ģ. Burgmanis

The University of Latvia
19 Raiņa bulvāris, Rīga, LV-1586, Latvia

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-3
© Krisjane, Z., Apsite-Berina, E., Berzins, M.,
Skadins, T., Burgmanis, Ģ., 2020

This paper aims to shed light on work-life balance in Latvia during the state of emergency. The COVID-19 outbreak has led many governments to introduce lockdowns. While imposed restrictions may help to contain the spread of the virus, they may also result in substantial damage to population well-being. The COVID-19 outbreak in Latvia demonstrates the extent and ways in which socio-demographics factors have determined different patterns of behaviour, attitudes, employment changes and harmonised work and life balance. The study describes the chronological development of COVID-19 in the country. It describes labour migration to and from Latvia before the COVID-19 outbreak. It provides geographical features of the distribution of confirmed COVID-19 cases. The extent of the COVID-19 threat at different levels is assessed focusing on the global, national, regional and intra-family level. Finally, work forms and work-life balance are analysed according to geography and age groups.

Keywords:

COVID-19 outbreak, work-life balance, Latvia, type of employment, perception of threats

References

1. Dowd, J.B., Andriano, L., Brazel, D.M., Rotondi, V., Block, P., Ding, X., Liu, Y., Mills, M.C. 2020, Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no. 18, p. 9696–9698. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.2004911117>.
2. Kashnitsky, I., Aburto, J.M. 2020, The pandemic threatens aged rural regions most, *OSF Preprints*, preprint, available at: <https://ideas.repec.org/p/osf/osfxxx/abx7s.html> (accessed 08.09.2020).
3. Mogi, R., Spijker, J. 2020, The influence of social and economic ties to the spread of COVID-19 in Europe, *SocArXiv*, preprint. doi: <https://doi.org/10.31235/osf.io/sb8xn>.
4. Raifman, M.A., Raifman, J.R. 2020, Disparities in the population at risk of severe illness from COVID-19 by race/ethnicity and income, *American Journal of Preventive Medicine*, vol. 59, no. 1, p. 137–139. doi: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.04.003>.
5. Verhagen, M.D., Brazel, D.M., Dowd, J.B., Kashnitsky, I., Mills, M. 2020, Mapping hospital demand: demographics, spatial variation, and the risk of “hospital deserts” during COVID-19 in England and Wales, *OSF Preprints*, preprint. doi: [10.31219/osf.io/g8s96](https://doi.org/10.31219/osf.io/g8s96).

To cite this article: Krisjane, Z., Apsite-Berina, E., Berzins, M., Skadins, T., Burgmanis, Ģ. 2020, Work-life balance during the COVID-19 outbreak: the case of Latvia, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 39–60. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-3.

6. Esteve, A., Permanyer, I., Boertien, D., Vaupel, J.W. 2020, National age and co-residence patterns shape COVID-19 vulnerability, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no. 28, p. 16118—16120. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.2008764117>.
7. Buheji, M., Cunha, K. 2020, The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty, *A Global Integrative Multidisciplinary Review*, vol. 10, no. 4, p. 213—224. doi: <https://doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02>.
8. Nassif-Pires, L., de Lima Xavier, L., Masterson, T., Nikiforos, M., Rios-Avila, F. 2020, *Pandemic of inequality (Economics public policy brief archive)*, New York, Levy Economics Institute.
9. Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., Rubin, G.J. 2020, The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence, *The Lancet*, no. 10227 (395), p. 912—920. doi: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
10. Chan, J.F.W., Yuan, S., Kok, K.H., To, K.K.W., Chu, H., Yang, J., Xing, F., Liu, J., Yip, C.C.Y., Poon, R.W.S., Tsoi, H.W. 2020, A familial cluster of pneumonia associated with the 2019 novel coronavirus indicating person-to-person transmission: A study of a family cluster, *The Lancet*, vol. 395, no. 10223, p. 514—523. doi: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
11. Pummerer, L., Sassenberg, K. 2020, Conspiracy Theories in Times of Crisis and their Societal Effects: Case “Corona”, *PsyarXiv*, preprint, available at: <https://psyarxiv.com/ye3ma/download/?format=pdf> (accessed 10.09. 2020).
12. Šrol, J., Mikušková, E.B., Cavojova, V. 2020, When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic, *PsyarXiv*, preprint, available at <https://psyarxiv.com/f9e6p/> (accessed 20.08. 2020). doi: [doi: 10.31234/osf.io/f9e6p](https://doi.org/10.31234/osf.io/f9e6p).
13. Swami, V., Barron, D. 2020, Analytic Thinking, Rejection of Coronavirus (COVID-19) Conspiracy Theories, and Compliance with Mandated Social-Distancing: Direct and Indirect Relationships in a Nationally Representative Sample of Adults in the United Kingdom, *OSF Preprints*, available at: <https://osf.io/nmx9w/> (accessed 17.08. 2020). doi: [10.31219/osf.io/nmx9w](https://doi.org/10.31219/osf.io/nmx9w).
14. Zhang, Y., Ma, F.Z. 2020, Impact of the COVID-19 Pandemic on Mental Health and Quality of Life among Local Residents in Liaoning Province, China: A Cross-Sectional Study, *Int. J. Environ. Res. Public Health*, vol. 17, no. 7, p. 2381. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072381>.
15. Prime, H., Wade, M., Browne, D.T. 2020, Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic, *American Psychologist*, vol. 75, no. 5, p. 631—643. doi: <https://doi.org/10.1037/amp0000660>.
16. Smyth, B., Moloney, L., Brady, J., Harman, J.J., Esler, M. 2020, COVID-19 and Separated Families, *Family Court Review*, preprint. doi: [10.1111/fcre.12533](https://doi.org/10.1111/fcre.12533).
17. Usher, K., Bhullar, N., Durkin, J., Gyamfi, N., Jackson, D. 2020, Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support, *International Journal of Mental Health Nursing*, vol. 29, no. 4, p. 549—552. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/inm.12735>.
18. Li, W., Li, G., Xin, C., Wang, Y., Yang, S. 2020, Challenges in the Practice of Sexual Medicine in the Time of COVID-19 in China, *The Journal of Sexual Medicine*, vol.17, no. 7, p. 1225—1228. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jsxm.2020.04.380>.
19. Cito, G., Micelli, E., Cocci, A., Polloni, G., Coccia, M.E., Carini, M., Minervini, A., Natali, A. 2020, Paternal Behaviors in the Era of COVID-19, *The World Journal of Men's Health*, vol. 38, no. 3, p. 251—253. doi: <https://doi.org/10.5534/wjmh.200071>.
20. Mandl, I., Biletta, I. 2018, *Overview of new forms of employment — 2018 update*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, available at: <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1649&context=intl> (accessed 27.07. 2020).
21. Vargas-Llave, O., Mandl, I., Weber, T., Wilkens, M. 2020, *Telework and ICT-based Mobile Work: Flexible Working in the Digital Age*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, available at: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf (accessed 27.07. 2020).
22. Krišjāne, Z., Krūmiņš, J. (eds.) 2019, *Tautas ataudze Latvijā un sabiedrības atjaunošanas izaicinājumi* [Population Reproduction and Challenges for Renewal of Society in Latvia], Riga, LU Akadēmiskais apgāds (In Latv.).

23. Apsīte-Beriņa, E., Burgmanis, Ģ., Prusakova, L. 2020, Regional Human Capital Disequilibria: The Case of Youth Migration in Latvia, *Folia Geographica*, in print, no. 1 (18). https://www.geo.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.gzzf.lu.lv/Folia_Geographica/FG_raksti_2020/4-Apsite-Berina_et_al_pp.28-35.pdf (дата обращения 10.10. 2020)
24. Baert, S., Lippens, L., Moens, E., Sterkens, P., Weytjens, J. 2020, The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences, Expectations and Hopes, *IZA Discussion Paper*, no. 13229, Institute of Labor Economics, available at: https://www.researchgate.net/publication/341272740_The_COVID-19_Crisis_and_Telework_A_Research_Survey_on_Experiences_Expectations_and_Hopes (accessed 06.08. 2020).
25. Raišienė, A.G., Rapuano, V., Varkulevičiūtė, K., Stachová, K. 2020, Working from Home — Who is Happy? A Survey of Lithuania's Employees during the COVID-19 Quarantine Period, *Sustainability*, vol. 13, no. 13, p. 5332. doi: <https://doi.org/10.3390/su12135332>.
26. Apsīte-Beriņa, E., Burgmanis, Ģ., Krišjāne, Z. 2018, Return Migration Trends in Latvia: Re-attracting the Main Human Resource for Sustainable Regional Development, *Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference*, vol. 1, p. 16. doi: <https://doi.org/10.17770/etr2019vol1.4117>.
27. Silina-Osmāne, I., Ieviņa, I. 2019, *Policy report on migration and asylum policy in Latvia reference year 2018*, Rīga, PMLP, available at: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/ARM_2018_part2_LATVIA_Final_EN.pdf (accessed 08.09. 2020).
28. Piuholā, J., Kerkelā, R., Laine, M., Andersen, G.Ø., Ērglis, A., Kumsārs, I., Thuesen, L., Sinisalo, J., Niemelā, M., Juntila, M.J. 2020, Lower ST-elevation myocardial infarction incidence during COVID-19 epidemic in Northern Europe, *Scandinavian Cardiovascular Journal*. doi: <https://doi.org/10.1080/14017431.2020.1820563>.
29. Kaša, R., Mieriņa, I. (eds.) 2019, *The Emigrant Communities of Latvia: National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics*, Cham, Springer. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12092-4>.
30. Krišjāne, Z., Apsīte-Beriņa, E., Bērziņš, M. 2016, Circularity within the EU: the return intentions of Latvian migrants. In: *Return Migration and Regional Development in Europe: Mobility Against the Stream*, London, Palgrave Macmillan UK. p. 215—240. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-57509-8_10.
31. McCollum, D., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M., Krišjāne Z. 2017, Overcoming the crisis: the changing profile and trajectories of Latvian migrants, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no. 9, p. 1508—1525. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2016.1232161>.
32. Krišjāne, Z., Bērziņš, M., Ivlevs, A., Bauls, A. 2012, Who are the typical commuters in the post-socialist metropolis? The case of Riga, Latvia, *Cities*, vol. 29, no. 5, p. 334—340.
33. Kamenska, A., Tumule, J. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia, *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol.1, Cham, Springer, p. 257—270. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17.
34. Krzysztofik, R., Kantor-Pietraga, I., Spórna, T. 2020, Spatial and functional dimensions of the COVID-19 epidemic in Poland, *Eurasian Geography and Economics*, p. 1—14. doi: <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1783337>.
35. Ruiu, M.L. 2020, Mismanagement of COVID-19: lessons learned from Italy, *Journal of Risk Research*. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758755>.
36. Hedström, P., Swedberg, R. 1998, *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*, Cambridge, Cambridge University Press.
37. Kittel, B., Kritzinger, S., Boomgaarden, H., Prainsack, B., Eberl, J.M., Kalleitner, F., Lebernegg, N.S., Partheymüller, J., Plescia, C., Schiestl, D.W., Schlogl, L. 2020, The Austrian Corona Panel Project: monitoring individual and societal dynamics amidst the COVID-19 crisis, *European Political Science*. doi: <https://doi.org/10.1057/s41304-020-00294-7>.
38. Bodas, M., Peleg, K. 2020, Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel: Public attitudes toward the COVID-19 outbreak and self-isolation: a cross sectional study of the adult population of Israel, *Health Affairs*, vol. 39, no. 6, p. 936—941. doi: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2020.00382>.

39. Van Bavel, J.J., Baicker, K., Boggio, P.S., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M., Crockett, M.J., Crum, A.J., Douglas, K.M., Druckman, J.N. Drury, J. 2020, Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response, *Natural Human Behaviour*, vol. 4, no. 5, p. 460—471. doi: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.

40. Sharot, T. 2011, The optimism bias, *Current Biology*, Vol. 21, no. 23, p. 941—945. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

41. Griffith, A.K. 2020, Parental burnout and child maltreatment during the COVID-19 pandemic, *Journal of Family Violence*. doi: <https://doi.org/10.1007/s10896-020-00172-2>.

The authors

Prof. Zaiga Krisjane, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: zaiga.krissjane@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-3422-1958>

Dr Elina Apsite Berina, Senior Researcher, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: elina.apsite-berina@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5537-5879>

Dr Maris Berzins, Associate Professor, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

Toms Skadins, Research Assistant, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: toms.skadins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6837-4426>

Dr Girts Burgmanis, Researcher, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: girts.burgmanis@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5903-2283>
